

«ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА» В БИБЛЕЙСКО-КОРАНИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Назрикулов Фаррух Боймадович

магистрант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, РФ, г. Уфа

Борисова Валентина Васильевна

д-р филол. наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, РФ, г. Уфа

Рассказ «Сон смешного человека» позволяет понять логику и динамику художественной антропологии Достоевского, которая носит религиозно-метафизический и космологический характер: у Достоевского человек изображен не только на земле, но и с точки зрения «миров иных», с точки зрения Бога. В этом смысле прямыми предшественниками его романного «пятикнижия», нисколько не умаляющими его творческой оригинальности и гениальности, являются Библия и Коран. Эти «вечные книги человечества» русский писатель глубоко знал и понимал. Их великие идеи и образы отразились во всех его произведениях. Рядом с идеалом Христа в них стоит и первый читатель Корана – Мухаммед.

Отношение Достоевского к Христу известно, оно представлено в символе веры писателя: «...нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа...» [4] [1. Т. 28/1. С. 176] (см. также: [1. Т. 30/2. С. 423]). к исламскому пророку поначалу было двойственным и противоречивым, но после каторги оно изменилось. Ряд предрассудков, связанных с негативным восприятием мусульманства в Европе и России в XIX веке, писатель преодолел, не разделяя его оценки как религии жестокой и враждебной другим вероисповеданиям. Это видно по функционально-художественной актуализации взглядов на Ислам, исходящих от героев, которые ссылаются на Коран для утверждения своей идеи, автором сюжетно развенчиваемой. Следует подчеркнуть, что их искаженные представления проявляются на фоне кардинально изменившегося авторского отношения к Исламу, суть которого – в признании в нем совпадающего с нравственным идеалом Христа гуманистического содержания. До сих пор некоторые исследователи отождествляют кругозоры автора и героя, что приводит к непониманию того противопоставления, которое возникает, например, на страницах романа «Преступление и наказание»: почему Магомет и Иисус оказываются в сознании Раскольникова антиподами, и как к ним относится сам автор? На наш взгляд дистанция между автором и героем в данном случае очевидна, если персонаж и соблазнился искаженным идеалом, это отнюдь не значит, что творец разделяет ориентацию героя. Оглядка Раскольникова на Магомета как антипода Христа и своеобразного «двойника» Наполеона характеризует негативно-разрушительную ориентацию героя, но не автора. Ведь эта оппозиция возникает в безрелигиозном сознании именно героя, богоотступничество которого с точки зрения самого романиста является трагическим заблуждением. С религиозно-исторической точки зрения противопоставление Христа Магомету является грубой ошибкой, оно противоречит содержанию самого Корана, в котором Иисус /Иса/ назван великим предшественником Мухаммеда, а с точки зрения библейской генеалогии они вообще родственники как потомки Авраама, «отца всех верующих». Идею их генетического и духовного родства Достоевский выразил еще в «Записках из Мертвого дома» через мусульманина Алея, своего первого «положительного прекрасного» героя.

И в «фантастическом рассказе» смешной человек уже нравственно возвышается, как герой, идеально сориентированный на Мухаммеда. С его биографией связан в произведении

Достоевского мотив жизни-сна, уходящий своими корнями в восточный фольклор и мифологию. Грань между реальностью и сновидением герой не различает. Блестяще прокомментировал этот прием «иллюзионного удвоения действительности» Р.Г. Назиров: «Автор, как волшебник индийской легенды, дает герою пережить «сон жизни», а затем пробуждает его к действительности», в данном случае, повторяющей сон. Возможности героя проверяются вначале во сне, поэтому определяющей чертой онирической /сноподобной/ композиции произведения становится «инверсия причин и следствий». «Зачем писателю нужен такой сюжетный мистицизм? – Чтобы герой свободно развил свою иллюзию до предела... Достоевский путем крайнего попущения воле героя дискредитирует эстетическое жизнетворчество в его собственных глазах» [6].

Действительно, писатель знал и в своих произведениях не раз обращался к этой формуле иллюзионного удвоения реальности, доказывающей относительность времени. Не зря его герой цитирует кораническую легенду: «Вспомните Магометов кувшин, не успевший пролиться, пока он облетел на коне своем рай». Сам писатель вполне доверял переживаниям пророка: «Магомет уверяет в своем Коране, что видел рай и |был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик. Ах нет! Он не лжет!» [2]

Достоевский имел в виду легенду о ночном путешествии Мухаммеда – «мирадж»: Мухаммеду приснилось, что он был разбужен среди ночи ангелом, перенесен на фантастическом существе по имени Бурак (Молния) из Мекки на храмовую гору Иерусалима, и затем вознесся на небеса. После довольно долгого путешествия и множества видений загробной жизни он был возвращен в свою постель, которая все еще хранила тепло его тела, а кувшин с водой, опрокинутый перед полетом, не успел упасть. Эта легенда о пророке, впервые «оседлавшем время», надолго захватила творческое воображение Достоевского после каторги и отозвалась в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», но с особенной яркостью в «Сне смешного человека».

«Ночь вознесения» – сюжетное ядро рассказа. Она описывается в аналогичной с мусульманской легендой последовательности и тональности: вначале происходит ночное общение с Богом, в которое вступают в могиле – смешной человек, в пещере – Мухаммед, затем совершается полет через пространство и время на небеса, а в конце изображается пребывание в раю и открытие истины. Пережив во сне мучительное осознание своей вины и ответственности за людей, сопряженность своей судьбы с мистерией целого человеческого рода: его земным раем, грехопадением, искуплением, смешной человек внутренне преобразился. И хотя в рассказе нет прямых упоминаний ни о Мухаммеде, ни о Христе, перерождение героя совершается в соответствии с той религиозно-мифологической традицией изображения пророка, с которой, в сознании писателя, первично были связаны Библия и Коран.

Поэтому все посвящение «сына человеческого» в пророки совершается по преемственной ветхозаветно-коранической модели. Достоевский универсальным образом эту модель расширяет, дополняя ее важнейшими элементами христианского мифа: «Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте» [1]. Здесь идея христианского искупления органически дополняет идею непрерывного пророчества, общую для Библии и Корана.

В развитии последней особенно полно проявился синтетический характер мифотворчества Достоевского. Писатель уловил его в коранической легенде, в которой подчеркивалась связь Мухаммеда с библейскими пророками: с Авраамом, который до Мухаммеда сядился на Аль-Бурак; с Моисеем, беседовавшим с Богом на горе Синай, на которой, как на священном месте, остановился Мухаммед для молитвы; с Иисусом, родившемся в Вифлееме, где также остановился Мухаммед во время своего путешествия. Прилетев к вратам священного иерусалимского храма и сойдя с Аль-Бурак, Мухаммед «привязал, ее к тому самому кольцу, к которому ее привязывали пророки, бывшие прежде его». Войдя в храм, он «увидел там Авраама, Моисея, Иисуса и еще многих пророков и молился вместе с ними» [1].

Своим рассказом Достоевский подхватил этот дрящийся ритм пророческого движения, которое не может замкнуться и каждое звено которого получает свой окончательный смысл лишь в связи со всеми предыдущими. В этом свете «Сон смешного человека» может быть воспринят как новая глава в едином религиозно-историческом эпосе, а сам герой

Достоевского как очередной пророк, готовый явиться своему народу: «И пойду, и пойду...». [1]

Список литературы:

1. Борисова В.В. Сон смешного человека // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 178-179.
2. Борисова В.В. Синтетизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф.М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза. – Екатеринбург, 1991. С 64-90.
3. Достоевский Ф.М. Сон смешного человека // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. С. 104-119.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч: В 30 т. 28, кн. 1. Л.: Наука, 1985. 543 с.
5. Касаткина Т.А. Краткая полная история человечества: («Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. СПб., 1993. № 1. С. 44-49.
6. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.